

Цѣна отд. № — 15 коп.

1-306ч

XI

НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 1

558
5

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1913

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ — 6 руб. 50 коп.; на полгода — 3 руб. 25 коп.; на три мѣсяца — 1 руб. 65 коп.; на 1 мѣсяць — 60 коп.

6 ЮНЯ.

Цѣна объявленій за строку нонпарели 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: СПБ., Невскій пр., 65. Телефонъ № 59-07.

Журналъ выходитъ подъ редакціей **Аркадія Аверченко**, при ближайшемъ участіи А. Радакова, Ре-Ми, А. Яковлева и А. Юнгера, а также всего состава прежнихъ сотрудниковъ.

Рис. Ре-Ми.

Переѣздъ „Сатириконцевъ“ на новую квартиру.

Толстый Сатириконъ (заботливо):—Все взяли?
 — Кажись, все.
 — Волчьи ягоды захватили?
 — Есть.
 — Перья изъ хвоста, почтовый ящикъ — положили?

— Тутъ, тутъ.
 — Ничего не оставили?
 — Кажись, ничего.
 — Ну, ладно Аркадій, трогай съ Богомъ,—
 Невскій, 65.

Гос. Публич. Б-ка

Метаморфоза.

Цензоръ. — Что такое?! Ничего не пойму. „Старый Сатириконъ“, а ни одной раны от моего карандаша нѣтъ. И ни одного штрафа. . . Ничего не понимаю!

Цензоръ. — Что такое?! Ничего не пойму, — журналъ „Новый Сатириконъ“, только первымъ № вышелъ, а весь уже израненъ моимъ карандашемъ, огнестрѣльные раны отъ штрафовъ видны. . . Гм. . . странно, когда же это я успѣлъ? Ничего не понимаю?!!

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Увидѣвъ заголовокъ «Новый Сатириконъ», читатель, вѣроятно, въ первый моментъ будетъ непріятно удивленъ:

— Что это за узурпаторы, назвавшіе свое новое дѣтище именемъ одного изъ самыхъ популярныхъ за послѣднее пятилѣтіе журналовъ въ Россіи?

И, передоставъ настоящій номеръ, читатель будетъ удивленъ еще больше: онъ увидитъ въ списокѣ сотрудниковъ весь, безъ исключенія, составъ ближайшихъ фактическихъ участниковъ прежняго «Сатирикона».

Итакъ (только жизнь можетъ ошеломлять такими парадоксами) — «Новый Сатириконъ» — это старый «Сатириконъ», а старый «Сатириконъ» — это фактически новый «Сатириконъ», начавшій свою жизнь всего двѣтри недѣли тому назадъ и пока заявившій себя только почтительнымъ подражаніемъ прежнему «Сатирикону».

Намъ очень грустно, что пятилѣтняя совмѣстная работа коллектива настоящаго «Сатирикона» съ издателемъ М. Корнфельдомъ свелась на нѣтъ — однимъ взмахомъ издательской руки; очень грустно, что пятилѣтняя чудесная атмосфера дружнаго товарищескаго труда и взаимнаго уваженія замѣнилась въ послѣднее время такой «атмосферой»; изъ которой нужно было вырваться какъ можно скорѣе, чтобы не задохнуться.

«Сатириконъ», созданный дружной энергичной работой сплоченнаго коллектива; тотъ «Сатириконъ», который цитировался серьезными хмурыми депутатами съ трибуны Государственной Думы и еще болѣе серьезными государственными дѣятелями съ трибуны Государственнаго Совѣта; «Сатириконъ», который сыгралъ въ русскомъ обществѣ неожиданную для сатирическаго изданія роль; «Сатириконъ», который неустанно старался очищать и развивать вкусъ средняго русскаго читателя,

привыкшаго къ полуграмотнымъ распивочнымъ листкамъ — этотъ «Сатириконъ» не можетъ и не долженъ погибнуть!

Поэтому, мы, его идейные вдохновители и строители, переносимъ его въ болѣе здоровыя нормальныя условія — пусть онъ живетъ по прежнему на радость его неліцемернымъ друзьямъ. . .

Прежнему же «Сатирикону» искренно по товарищески пожелаемъ успѣха на тѣхъ путяхъ, которые онъ заблагоразсудитъ себѣ избрать; и искренно же по товарищески посоветуемъ ему назвать себя какънибудь иначе. Потому что настоящій «Сатириконъ» — это журналъ нѣсколькихъ индивидуальностей, а разъ всѣ они ушли in corpore — получится совершенно новый журналъ, будемъ надѣяться, даже лучшій — но это не «Сатириконъ».

Вѣдь если домъ заново перестраивается — нельзя оставить на фасадѣ старую вывѣску, — потому что фасада-то уже нѣтъ и ей не на чемъ будетъ держаться; а тѣмъ болѣе это наблюденіе вѣрно, если домъ остается цѣлымъ, по прежнему крѣпкимъ, и кирпичи его плотно спаяны цементомъ — тогда нельзя отдирать дома отъ вывѣски; дѣлается, обыкновенно, наоборотъ.

Заканчивая эту немного неожиданную экскурсію въ область строительно-декоративнаго искусства, считаемъ нужнымъ заявить, что мы постарались воздержаться отъ освѣщенія причинъ конфликта коллектива «Сатирикона» съ издателемъ — до разсмотрѣнія дѣла судомъ чести; къ сожалѣнію, г. Корнфельдъ отъ этого соблазна не могъ удержаться (см. стр. 13) и попытался въ принадлежащемъ ему отнынѣ «Сатириконѣ» — бросить тѣнь на насъ и нашихъ товарищей, не ожидая рѣшенія суда.

Редакція.

О ПРЕССѢ и ПРЕССѢ.

(По поводу новаго устава о печати).

„Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ“.

(Русская пословица).

Прологъ.

Итакъ: пронесся грозный штормъ!..
Ура! по волѣ рока
Жизнь входитъ въ русло точныхъ нормъ,
И солнце красное реформъ
Ласкаетъ наше око!!!

ГЛАВА I-АЯ

„Отвѣтственный издатель“.

„Отвѣтственность издателя есть непремѣнное условіе для полученія разрѣшенія на изданіе“.

Сбылись завѣтныя мечты;
Хвала Тебѣ, Создатель!..
Онять свободны наши рты:
Пиши, о чемъ захочешь ты
И... господинъ Издатель!

ГЛАВА II-АЯ

„Образованіе“.

„Отвѣтственными издателями могутъ быть лишь лица, окончившія учебныя заведенія, не ниже средняго“.

Черезъ эти частоколы
Не легко перескочить;
Я-не кончилъ средней школы,
Мнѣ издателемъ — не быть!
Но бездѣйствовать-противно!
Я-не рыба, видитъ Богъ!..
Посему демонстративно
Издаю — тяжелый вздохъ!

ГЛАВА III-АЯ

„И Ѳедотъ, да не тотъ“.

„Газеты должны быть представляемы въ комитетъ не позже, чѣмъ за одинъ часъ до выпуска номера изъ типографіи“.

Живя съ участкомъ vis-a-vis,
Не паялся зря въ окошко:
„Какъ кошку къ скоюй ни зови,
Она все будетъ-кошка“!
У насъ, и это не секретъ,
Давно цензуры нѣту;
Есть только нѣкій Ко-ми-тетъ...

Ты понялъ притчу эту?

ГЛАВА IV-АЯ

„Шкурный Вопрос“.

„За умышленное совершение преступления ответственный издатель, сверх определенного на основании соответствующих статей уголовного уложения, подлежит и особому денежному взысканию, в первый раз от 100 до 1000 рублей, а при повторении от 500 до 3000“.

Съ насъ будутъ по двѣ шкуры драть,
Но.. врядь-ли дрогнетъ наша рать
На радость ротозѣя,
Что вертуть свой ручной алмазъ
И не спускаетъ жадныхъ глазъ
Съ арены Коллизея!

Эпиллогъ.

Бѣдная пресса!
Бѣдненькіе мы! —
Снова иго пресса,
Ужасы тюрьмы!..

Были мы во мракѣ
Долгіе года
И.. опять, какъ раки,
Пятимся туда!
Передъ нами вырытъ
Глубочайшій ровъ!..
Пожалѣйте сиротъ,
Дайте бѣднымъ, кровь!!
Скверно жить на свѣтѣ,
Коли давятъ васъ!..
Миленькія дѣти,
Пожалѣйте насъ!..

Бѣдная пресса!
Бѣдненькіе мы:
Снова иго пресса,
Ужасы тюрьмы!..

Василій Князевъ.

КЛУБОКЪ.

Доктора и полиція появляются въ домѣ только тогда, когда въ немъ не все благополучно.

Поэтому, увидѣвъ у себя въ кабинетѣ околочнаго, я поблѣднѣлъ и съѣжился.

— Чѣмъ могу... — промямлилъ я.

— Вотъ тутъ съ васъ... взысканье, — сказалъ околочный, открывая громадную пасть портфеля, откуда показалась цѣлая кипа еще не переваренныхъ этимъ кожанымъ чудовищемъ бумажекъ.

— Что вы говорите! Ну?! Административное?

— Нѣтъ, по постановленію суда. На основаніи статьи закона 17543, параграфъ 113, примѣчаніе 7.

— Я такого и закона не знаю, — робко заявиль я.

— Никто не можетъ отговариваться незнаніемъ закона. Вотъ тутъ съ васъ 3000 рублей — штрафъ за газетную статью: „Пиръ во время чумы“.

— Какую статью? Въ какой газетѣ? Да я въ первый разъ о ней слышу! Я не писалъ ее. Ей-Богу!

— Это намъ извѣстно. Въ сущности, деньги эти нужно было бы получить съ редактора, но...

— Но?

— ...У него всего имущества — непромокаемый плащъ и десятокъ папиросъ.

— Да я-то тутъ причемъ?

— Въ отношеніи папиросъ непричемъ. Ввиду, значить, этихъ обстоятельствъ мы и хотѣли взыскать 3000 рублей съ издателя...

— Милый! Какой же я издатель!

— Знаемъ. Все знаемъ. Хотѣли мы, значить, взыскать съ издателя, а онъ возьми и умри наканунѣ отъ воспаления почекъ.

— Царство ему небесное, — заискивающе пожелалъ я, чтобы смягчить сердце хмураго околочнаго.

— Мерси. Ну-съ... умеръ, такъ умеръ — Богъ далъ, Богъ и взялъ. Обратились мы, руководствуясь новымъ закономъ о печати, къ типографу: „Пожалуйте, молъ, по закону 3000 рублей“, — такъ что-жъ бы вы думали?

— Тоже умеръ отъ воспаления почекъ?

— Наоборотъ — бѣжалъ! У него тамъ еще какіе-то долги были — скрылся въ Берлинъ и сидитъ тамъ теперь — достань-ка его!

— Да почему же вы съ меня пришли взыскивать? Побѣга типографу я не устраивалъ, сидѣлъ себѣ тихо, смирно...

— Виновать, мы это знаемъ. Самъ бѣжалъ! Но дѣло въ томъ, что по новому закону, въ случаѣ уклоненія типографа, отвѣчаетъ владѣлецъ того дома, гдѣ была типографія. Ну-съ... приходимъ мы къ нему...

Я всталъ и рѣзко сказалъ:

— Простите, но при чемъ я тутъ? Я чело-вѣкъ совершенно посторонній и ничего не знаю... Какое я имѣю отношеніе?! У меня даже голова уже болитъ...

— Оказывается, вы имѣете отношеніе! Впрочемъ, если хотите, начнемъ съ другой стороны. Начнемъ именно съ васъ. Такъ будетъ нагляднѣе. Признаете-ли вы себя виновнымъ въ томъ, что у васъ былъ дядя, носившій такую же, какъ и вы, фамилію — Кукушкинъ?

— Да, былъ такой дядя.

— Ну, вотъ видите. Дядя этотъ уѣхалъ въ Санъ-Франциско въ началѣ 90-хъ годовъ. Вѣрно?

— Вѣрно.

— Ну, еще бы, — самодовольно улынулся околочный. — Намъ все извѣстно... Всякое заперательство бесполезно! И женился этотъ дядя тамъ на эмигранткѣ Василисѣ Брякиной. Признаете?

— Не знаю, можетъ быть. Мнѣ неизвѣстно.

— Никто не можетъ отговариваться незнаніемъ закона, — хмуро замѣтилъ околочный. — И такъ, значить — женился онъ на Брякиной. А эта инкриминируемая вамъ Брякина не дѣвушка была, а разводка! И знаете ли вы, за кѣмъ она была до того замужемъ?!

Наступило страшное, зловѣщее молчаніе.

— Ну? — крикнулъ я, хватаясь за голову.

— За братомъ владѣльца дома, гдѣ помѣщалась типографія. И что же вышло: дядя вашъ умеръ, Василиса Брякина не разыскана за отъѣздомъ въ штатъ Небраска, ея бывший мужъ, братъ домовладѣльца спился и бродитъ по ночлежкамъ, а самъ домовладѣлецъ, въ домѣ коего помѣщается типографія — сидитъ въ тюрьмѣ по подозрѣнію въ поджогѣ застрахованнаго имущества. Теперь вамъ ясно, кто долженъ платить три тысячи?!

— Ясно, — простоналъ я. — Я.

— То-то и оно. Признаете себя виновнымъ?

— Признаю.

— Какъ же это вы такъ, молодой чело-вѣкъ, а?

— Простите, не доглядѣлъ.

— То-то. На слѣдующій разъ будьте съ печатью осторожнѣе. Сейчасъ заплатите или завтра?

Быстрая мысль освѣтила мою голову.

Я внезапно захохоталъ, запрыгалъ на одной ногѣ, выпилъ баночку чернилъ, упалъ на полъ и сталъ кататься по ковру, кусая испуганнаго околочнаго за ноги.

— Экая жалость, — прошепталъ околочный, наклоняясь надо мной. — Свихнулся. Ну, тутъ, видно, взятки гладки. Пойду-ка я къ его квартирной хозяйкѣ. Пусть платитъ по новому закону 3000 рублей!

И, захвативъ распухшій портфель, онъ побрелъ, усталый, хмурый — къ моей хозяйкѣ.

Тома Опискинъ.

Рис. Д. Митрохина.

Я СОДЕРЖУ ЦЪЛУЮ СЕМЬЮ.

ЦЪЛАЯ СЕМЬЯ СОДЕРЖИТЬ МЕНЯ.

ТОСКА.

Стихотв. А. Радакова.

Въ мирѣ скучно, въ мирѣ нѣту чуда
Некого бояться по ночамъ.
О, скажите мнѣ какой Иуда
Предалъ миръ ученымъ палачамъ?
Все рассчитано, все взвѣшено, все въ книжки
Честный нѣмецъ четко написалъ.
Въ мирѣ нѣтъ, я думаю, подмышки,
Гдѣ бы онъ волосъ не сосчиталъ.
Превративъ ребенка въ старикашку
Аттестатомъ зрѣлости въ семь лѣтъ
Все ему запишутъ на бумажку
И на все дадутъ ему отвѣтъ.

Какъ хотѣлъ бы быть я троглодитомъ!
Былъ онъ счастливъ радостью страстей
Счастливъ былъ, когда въ довольствѣ сытомъ
Засыпалъ средь вороха костей.
Счастливъ былъ—таща въ пещеру самку,
И дрожалъ, услыша Божій громъ.
А теперь мы тащимъ жизни лямку.

Все мы поняли и все намъ нипочемъ!
Ахъ! умчусь я къ водамъ Танганайки,
Въ камышахъ я буду мирно жить.
Тамъ не будутъ юныя всезнайки
О проблемахъ сутками твердить!
Къ черту, къ черту сгнившую Европу!
Отъ восторга воя и дрожа
Я хочу, поймавши антилопу,
Жрать ее безъ вилки и ножа.
Къ черту, къ черту жалкую Европу
Оголюсь, нажрусь, въ болотѣ буду спать!
Подплывать я буду къ бегемоту
Павіану буду подражать.
Въ жены я возьму Ніамъ-Ніамку,

Откажусь я ото всѣхъ діетъ,
Буду я любить ее, какъ самку,
Опрошусь—и станетъ милъ мнѣ свѣтъ.
Но прервалъ мечтанья чертъ прогресса...
Онъ шепнулъ мнѣ на ухо: Mon cher,
Ты увѣренъ, что твоя метресса
Не изъ тѣхъ, что снялъ уже Люмьеръ?
Скрылся чертъ. Ликующаго звѣря
Невращеникъ въ мигъ во мнѣ убилъ.
И опять, не радуясь, не вѣря,
Я одно съ тоскою говорилъ:
„Вамъ, любители скитаній и открытій,
Не создать восторженныхъ страницъ!
Пойманъ миръ въ сѣть телефонныхъ нитей—
Отъ звонковъ не слышно пѣнья птицъ.
— Въ мирѣ скучно, въ мирѣ нѣту чуда
Слишкомъ много мяса, слишкомъ мало душъ.
Есть о чемъ понять мнѣ, есть... ну, а куда
Я пойду приму холодный душъ.“

А. Радаковъ.

СИЛА ПРИВЫЧКИ.

Одна шансонетная пѣвица „изъ народа“ говоритъ подругѣ:
— Ты знаешь, я поступила на мѣсто, пою въ этомъ театрѣ.
— Со стиркой?

ЛОГИКА ВЕЩЕЙ.

— Въ Москвѣ мнѣ удалось попасть въ судъ на процессъ трезвенниковъ.
— А кто былъ назначенъ обвинителемъ?
— Какъ кто? я думаю ктонибудь изъ акцизнаго вѣдомства.

НЕАПОЛИТАНСКАЯ ПѢСЕНКА.

Подъ горою за гладью морской
Золотая пригрѣлась змѣя...
Это Наполи, Наполи мой
Свѣтитъ, искры по волнамъ струя.
Въ темномъ небѣ кружатся рои,
Разлетѣвшихся радостно пчелъ;
Это южныя звѣзды мои,
Это вечеръ на небо пришелъ.

Отъ Венеры по тихой водѣ
Огневая легла полоса.

Я повѣрила этой звѣздѣ—
Мнѣ ея полюбилась краса.
Тамъ на улицѣ въ шумѣ, въ огнѣ
Съ вѣрами журналовъ своихъ,
Можетъ быть, позабылъ обо мнѣ,
Объщавшій мнѣ свадьбу женихъ?!

Можетъ быть англичанка къ нему
Подошла старый Тэймсъ покупать?

И ему, почему—не пойму,
Золотая понравилась прядь?..
Онъ и юнъ, и опасно красивъ,
Много денегъ желаетъ имѣть...
О, тогда въ мой Сорентскій заливъ
Я съ горы захотѣла бѣ слетѣть!!

Въ синевѣ захотѣла бѣ уснуть
Подъ высокимъ покровомъ морскимъ:
Кто ласкалъ мою дѣвичью грудь—
Тотъ навѣки быть долженъ моимъ.

Сергѣй Городецкій.

ОДИННАДЦАТЬ СЛОНОВЪ.

I.

Схвативъ меня за руку, Стряпухинъ быстро спросилъ:

— Въ которомъ ухѣ звенитъ? Ну! Ну! Скорѣе!!
— У кого звенитъ въ ухѣ?—удивился я.
— Да у меня! Ахъ, ты Господи! У меня же!!.. Скорѣе!

Говори!

Я прислушался.

— Въ которомъ? Что-то я не слышу... А ты самъ развѣ не можешь разобрать?

— Да ты угадай, понимаешь? Угадай! Какой безтолковый...

— Да угадать-то не трудно,—согласился я.— Еслибы ушей было много—ну, тогда другое дѣло... А то два уха—это пустяки. Лѣвое, что ли?

— Вѣрно, молодецъ!

Я самодовольно улыбнулся.

— Еще бы! Я могу это—и вообще... многое другое... А зачѣмъ тебѣ нужно было, чтобы я угадалъ?..

— А какже! Такая примѣта есть... Я что-то задумалъ. Если ты угадалъ—значитъ исполнится.

— А что ты задумалъ?

— Нельзя сказать. Если скажу—оно не исполнится.

— Откуда ты знаешь?

— Такая примѣта есть.

— Ну, тогда прощай,—проворчалъ я, немного обиженный.—Пойду домой.

— Уже уходишь? Да который теперь часъ?

— Не могу сказать,—упрямо ухмыльнулся я.

— Почему?

— Такая примѣта есть.

Его лицо выразило безпокойство.

— Неужели, есть такая примѣта?

— Еще бы... Самая вѣрная. Несчастье приносить.

— А ты знаешь, я вѣдь часто отвѣчалъ на вопросы „какой часъ“.

— Ну, вотъ,—улыбнулся я зловѣще.—И пеняй самъ на себя. Обязательно это къ худу.

Онъ призадумался.

— Постой, постой... И вѣрно, вѣдь! Вчера у меня шапку украли въ театрѣ.

— Каракулевою?—спросилъ я.

— Нѣтъ, котиковую.

— Ну, тогда это ничего.

— А что?

— Примѣта такая есть. Пропажа котиковой шапки—въ домѣ радость.

Онъ даже не спросилъ—въ чьемъ домѣ радость—въ его или воровскомъ. Просіялъ.

— Я тоже съ тобой выйду. Прислуга побѣжала за ворота—дай я тебѣ пальто подержу.

Я натянулъ съ его помощью пальто, а когда онъ снялъ съ вѣшалки свое, я сказалъ:

— Ты прости, но я тебѣ тѣмъ же услужить не могу.

— Почему?

— Такая примѣта есть: если гость хозяину пальто подаетъ—въ домѣ умереть должны.

Стряпухинъ отскочилъ отъ меня и наскоро натянулъ въ углу пальто.

Когда мы шагали по улицѣ, онъ задумчиво сказалъ:

— Да, примѣты есть удивительныя. Есть счастливыя, есть печальныя. Но на дняхъ я узналъ удивительную штуку, которая приноситъ счастье и застраховываетъ отъ всякихъ неудачъ.

— Это еще что?

— Слоны. Одиннадцать слоновъ. Нужно купить одиннадцать штукъ отъ самого большого до самого маленькаго и держать ихъ въ домѣ. Поразительная примѣта.

— Что жъ ты уже купилъ ихъ?

— Девять штукъ. Двухъ еще нѣтъ. Самыхъ большихъ. Да они дорогіе, большіе-то. Рублей по тридцати... Кстати, ты не можешь одолжить мнѣ 50 рублей? Я бы завтра комплектъ уже имѣлъ.

— Что ты! Развѣ можно одалживать деньги въ пятницу?! Есть такая примѣта...

— Да сегодня развѣ пятница? Нынче вѣдь четвергъ,—возразилъ онъ.

Сначала я растерялся, а потомъ улыбнулся съ видомъ превосходства.

— Я знаю, что четвергъ. Но вѣдь четвергъ это—у насъ?

— Ну, да.

— А въ Индіи—то что теперь? Пятница!

— Пятница,—машинально подтвердилъ онъ, пріоткрывъ отъ недоумѣнія ротъ.

— Ну, вотъ. А слоны-то вѣдь Индѣйскіе?

— Какіе слоны?

— Да которыхъ ты собираешься покупать!

— Предположимъ.

— То-то и оно. Какъ же можно въ пятницу деньги давать въ займы? Несчастье... Страшная примѣта есть.

Онъ замолчалъ.

II.

Стряпухинъ исчезъ на долгое время. Но однажды пришелъ ко мнѣ, разстроенный, съ явными признаками на лицѣ и въ костюмѣ пѣлаго ряда жизненныхъ неудачъ.

— Эге,—сочувственно встрѣтилъ я его.—Твои дѣла, вижу, не важныя. Какъ поживаешь?

— Да, братъ, плохо... У жены чахотка.

— Гнусная вещь,—согласился я.—Впрочемъ вези ее на югъ. Теперь это легко поправить можно.

— Да откуда же я денегъ-то возьму?

— А у жены-то были вѣдь деньги... я знаю... Нѣсколько тышенокъ.

— Были да сплыли. На биржѣ проигралъ.

— Эхъ, ты, Фалалей! Ну, на службѣ возьми авансъ.

— Хватился! Со службы уволили. За биржевую игру. Вы, говорятъ, еще наши деньги проиграете, казенныя.

— Однако! А что же твой дядя какой-то. Помнишь, ты говорилъ—собирался умереть и тебѣ домъ оставить.

— Да и умеръ. Только не тотъ дядя, а другой. Вдовецъ съ двумя дѣтьми. Дѣтей мнѣ оставилъ... Прямо бѣда!

— Такъ ты бы продалъ чтонибудь изъ обстановки... У тебя вѣдь обстановка хорошая, я помню, была...

Онъ тоскливымъ взглядомъ посмотрѣлъ на меня.

— Продано, братъ. Почти все. Кромѣ слоновъ.

— Какіхъ слоновъ?—удивился я.

— Да тѣхъ, что я, помнишь, говорилъ.

— А они дорогіе?

— Рублей полтора ста...

— Такъ ты бы ихъ и пустилъ въ оборотъ. Это вѣдь женѣ мѣсяцъ жизни въ Крыму.

Стряпухинъ откинулся назадъ и всплеснулъ руками.

— Что ты! Какъ же я могу ихъ продать, когда они приносятъ счастье!

III.

Я долго прохаживался по кабинету, бормоча себѣ подъ носъ всякія разсужденія.

Остановился передъ Стряпухинымъ и сказалъ:

— Дуракъ ты, дуракъ, братецъ!

— Почему?

— Такая примѣта есть.

Онъ блѣдно, насильственно улыбнулся.

— Вотъ ты теперѣ уже и ругаешься. Ругаться-то легко.

— И ругаюсь! Обрати вниманіе: не было у тебя этихъ словъ—жена была здорова, деньги въ банкѣ лежали и служба была. Появились слоны, которые, ты говорилъ, счастье приносятъ—и что же!

— А вѣдь вѣрно!—охнулъ онъ, поблѣднѣвъ.—Я совсѣмъ не обратилъ на это вниманія... Дѣйствительно... Знаешь, тутъ есть какой-то секретъ. Можетъ быть, не 11 словъ нужно, а какое нибудь другое количество? Я кивнулъ головой.

— Весьма возможно... И можетъ быть нужно было не словъ покупать, а какихъ нибудь верблюдовъ или зайцевъ.

— А въ самомъ дѣлѣ!—ахнулъ онъ, пріоткрывъ, по своей привычкѣ отъ изумленія, ротъ.

— И, можетъ быть, не покупать ихъ, а украсть нужно было...

— Да, да!..

— ... и держать не въ домѣ, а въ погребѣ.

Оба мы замолчали. Онъ поднялъ опущенную голову и несмѣло спросилъ:

— Ну, какъ ты думаешь—верблюда или зайца?

Я пожалъ плечами.

— Конечно, верблюда.

— Почему?

— Примѣта такая есть.

— А сколько ихъ надо?..

— Тридцать восемь штукъ.

— Ого!—съ отбѣнкомъ уваженія въ голосѣ, пробормоталъ Стряпухинъ.—Вотъ это—число! Что жъ ихъ... покупать нужно?

— Украсть! Только украсть! И держать въ погребѣ на бочкѣ съ огурцами. Такая примѣта есть.

Онъ внимательно разглядывалъ выраженіе лица моего, и въ глазахъ его я прочелъ легкое колебаніе.

— Что это ты...—робко замѣтилъ онъ.—Не то говоришь серьезно... не то надсмѣхаешься надо мной.

Я горячо воскликнулъ:

— Что ты, что ты! Я говорю совершенно серьезно.

Слоны вѣдь тебѣ не помогли, а? Одиннадцать словъ малъ-мала-меньше. Вѣдь не помогли? Такъ?

— Не помогли,—вздыхнулъ онъ.

— Ну вотъ!—Попробуемъ верблюдовъ. Тридцать восемь верблюдовъ! Не купимъ ихъ, а стащимъ въ магазинъ—это и дешевле и практичнѣе. Поставимъ въ погребъ и посмотримъ—не повернется ли фортуна къ тебѣ лицомъ? Если все будетъ попрежнему плохо—верблюдовъ къ черту—купимъ лисицъ, или лягушекъ, индѣйскихъ болванчиковъ, крокодиловъ, черта,—дьявола лысаго купимъ! Попробуемъ покупать по 17 по 33 по 60 штукъ, будемъ держать ихъ подъ поломъ, на крышѣ, въ печной трубѣ—все испробуемъ, все испытаемъ!! Какъ только тебѣ повезетъ—стоп! Вотъ, значить, скажемъ мы—это и есть настоящая примѣта!

— Да ты это... серьезно?

— А то какъ же, братецъ? Слоны твои провалились—нужно искать другихъ путей. Какой-то нѣмецъ профессоръ сдѣлалъ свыше 900 комбинацій лѣкарства, пока не наткнулся на настоящую. У насъ будетъ 9000 комбинацій—но ничего! Вѣдь онъ открывалъ только новое лѣкарство, а мы ищемъ секретъ счастья... Разрѣшить проблему счастья—какая это великая миссія!!

— Да вѣдь этакъ всю жизнь провозишься...

— А ты что же думалъ. И провозишься!

Онъ устало опустил голову.

— Боже, какъ все это неопредѣленно... А, можетъ быть, все штука въ томъ, что словъ нужно не одиннадцать, а двѣнадцать. Прикупить еще одного...

— Можетъ быть! Жаль, что это не ослы. Если бы ты имѣлъ 11 ослевъ, то двѣнадцатаго и прикупать бы не стоило.

Съ видомъ чловѣка, окончательно запутавшагося въ сложной тинѣ жизни, онъ поднялъ на меня глаза:

— Почему?

IV.

Уходя, онъ небрежно спросилъ, боясь выказать интересъ къ отвѣту и вызвать тѣмъ новыя мои насмѣшки.

— Сколько ты сказалъ верблюдовъ?

— 38,—ехидно улыбнулся я.—Думаешь купить?

— Нѣтъ, не то. А вотъ нужно бы запомнить цифру 38. Буду нынче въ клубѣ, возьму карту лото съ этой цифрой.

— Ага! Ты и этимъ занимаешься? Что жъ везетъ?

— Пока нѣтъ.

И въ глазахъ его свѣтилось отчаяніе.

— Почему?—допрашивалъ я безжалостно.—На какую напримѣръ цифру ты вчера бралъ карту?

— 86. Счастливое число. Мой кузень Гриша на эту цифру въ лотерею корову выигралъ.

— Значить, и ты выигралъ?!!

— Нѣтъ,—робко прошепталъ онъ, запуганный моимъ крикомъ, моими оскорбленіями, моей ироніей.

Я схватилъ его за шиворотъ.

— Такъ какъ же ты, каналья, находишь это число счастливымъ?!

— Поймай... Пусты! Я бы, можетъ быть, и выигралъ, а только, уходя изъ дому, забылъ ключъ, и съ дороги вернулся. А это считается очень нехорошо. Примѣта...

Разсказанную мною правдивую исторію я считаю очень нравоучительной.

Тѣмъ, не менѣе, я увѣренъ, что среди моихъ читателей найдется пара-другая людей, которые запомнятъ цифры 38 и 86.

И подумаютъ они:

— Что ты тамъ себѣ не говори, а мы на эти цифры возьмемъ карточку и сыграемъ.

Такъ, и быть, сообщу я для нихъ еще одну, самую вѣрную счастливую цифру:

— 59.

Играйте на нее... Замѣчательная цифра.

А проиграете—значить, покойника встрѣтили или кошка дорогу перебѣжала.

Такъ вамъ и надо! Мнѣ, все равно, васъ не жаль.

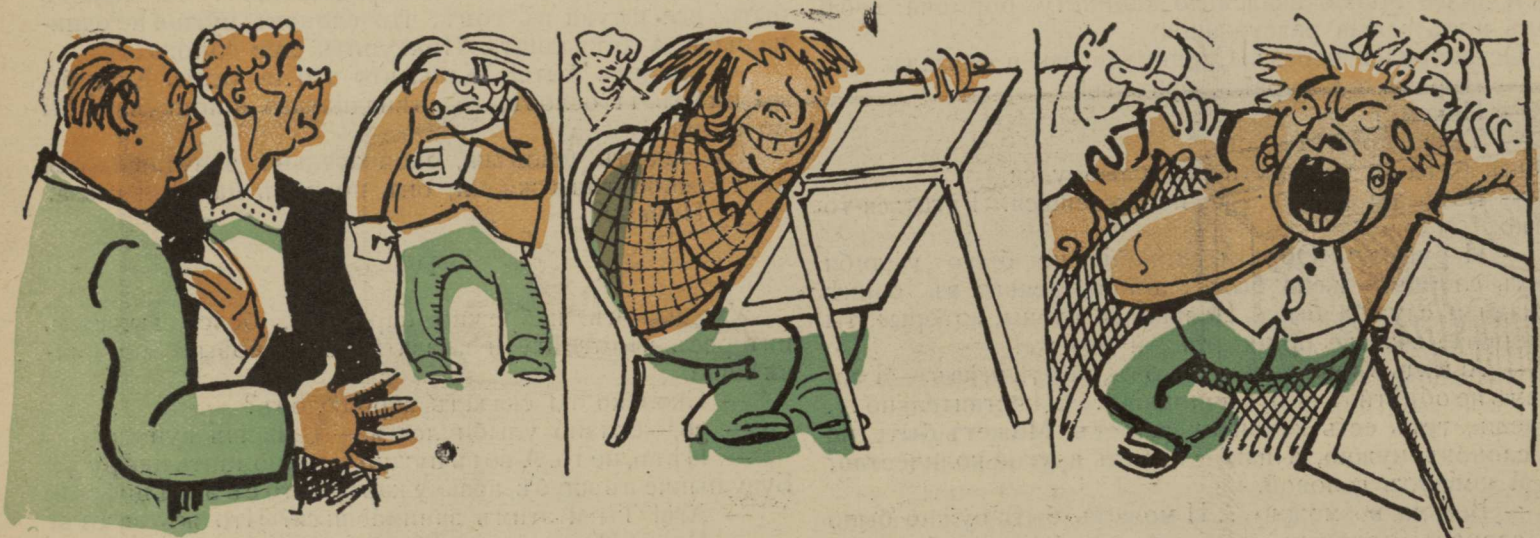
Аркадій Аверченко.

Рис. Сергѣя Чехонина.

О ТОМЪ, КАКЪ АВЕРЧЕНКО И РЕ-МИ СМОТРѢЛИ ЗА РАДАКОВЫМЪ, ЧТО БЫ ОНЪ НЕ РИСОВАЛЪ
КАРИКАТУРЪ НА ИХЪ БЫВШАГО ИЗДАТЕЛЯ.

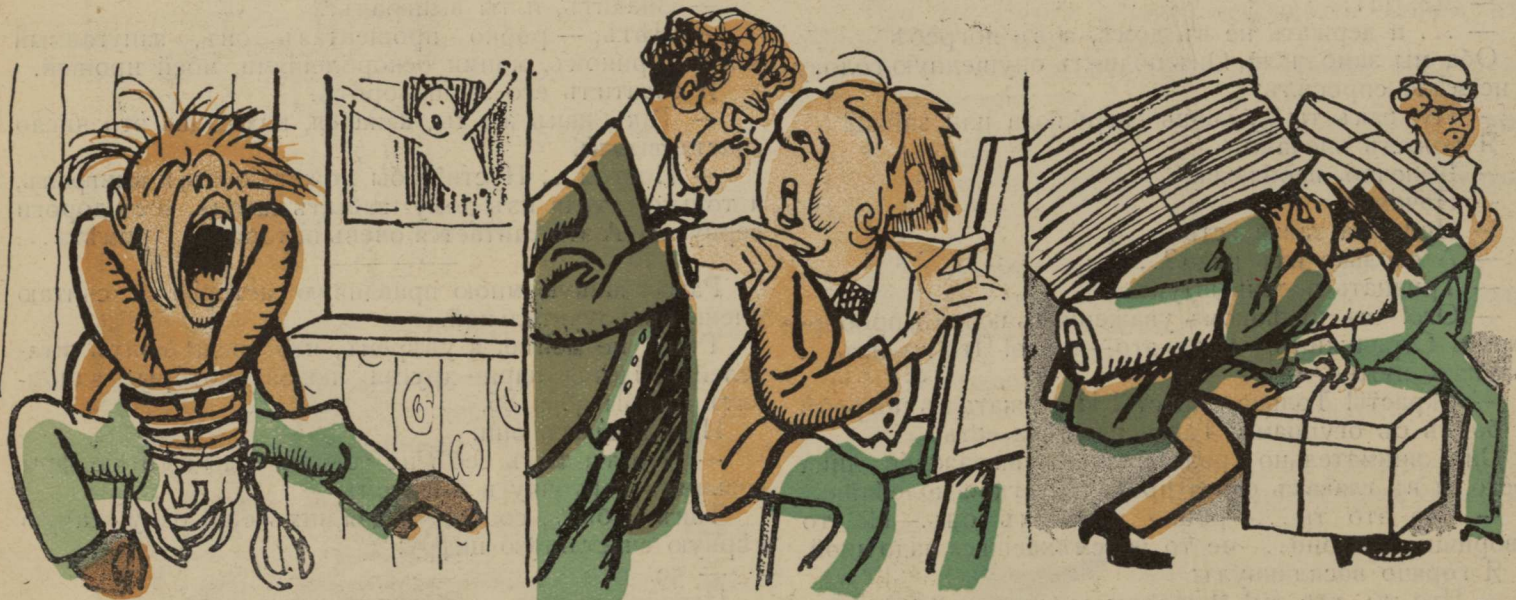
Рис. А. Радакова.

Ре-ми.—Посмотри, Аркадій, Радаковъ сталъ что то задумываться. Ой! Боюсь я, что задумалъ онъ скверное дѣло,—нарисовать на бывшего издателя карикатуру.
Аверченко.—Ну, я, думаю, онъ на это неспособенъ...

И что же? Ихъ подозрѣнія оказались справедливыми. Радаковъ уже началъ было выводить ноги г. К., но къ сожалѣнію его былъ пойманъ во-время на мѣстѣ преступленія.

Аверченко.—А я—то думалъ, что ты на это неспособенъ... Ре-ми! Отними у него карандашъ!!

Радакову связали руки, чтобы онъ не могъ исполнить свой преступный планъ, но онъ сталъ оглашать воздухъ такими воплями, что всѣ жители сосѣднихъ домовъ пришли въ ужасъ. Пришлось его развязать и взять съ него клятву, что онъ больше не будетъ рисовать г. К.

Увы, онъ не сдержалъ своей клятвы! Его застали что-то рисующимъ.
— Ахъ, Радаковъ, Радаковъ! Опять?
— Позволь, Ре-ми, я рисую просто мертвую натуру. Это тыква...
— Толкуй! Я тебѣ не цензоръ...

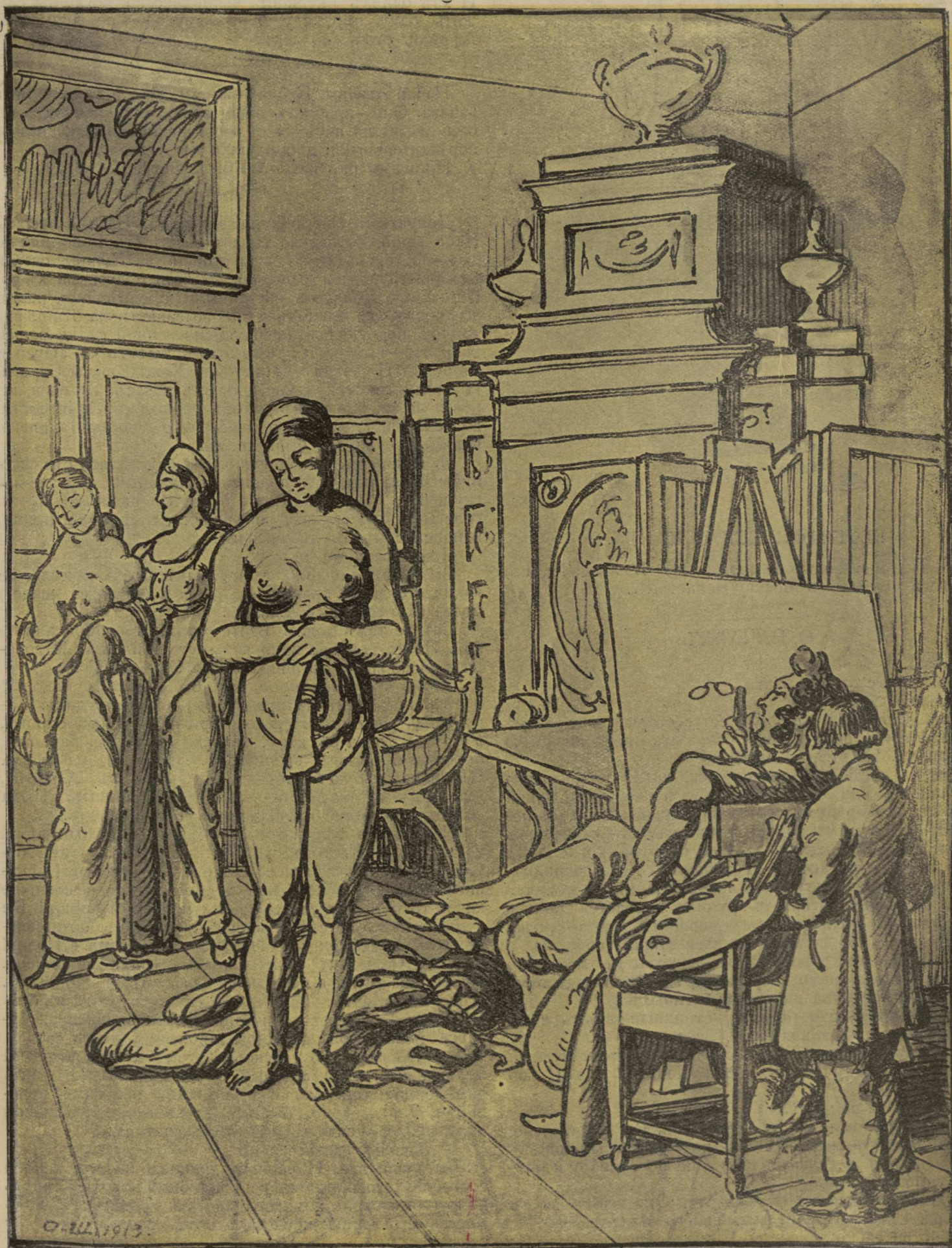
Противники всякаго физическаго на-силія—Аверченко и Ре-ми, что-бы лишить возможности Радакова рисовать карикатуры, рѣшили скупить всю бумагу, карандаши, резинки и т. д. въ ближайшемъ магазинѣ, гдѣ Радаковъ ихъ обыкновенно покупалъ,—справедливо полагая, что Радаковъ по лѣни въ дальній магазинъ не пойдетъ.

Ре-ми. Смотри! Вотъ идетъ Радаковъ: Смотри, онъ несетъ покупки. Что бы это было?..

Но каковъ же былъ ихъ ужасъ, когда они, пришедши домой, увидели, что карикатура была все таки нарисована!
— Несчастный, несчастный Радаковъ!—заплакали они.

Но, когда подбѣжали ближе, они увидели, что былъ нарисованъ какой то кроткій молодой человекъ, нѣжно ласкающій птенчика...
О, добрый Радаковъ!

КРѢПОСТНОЕ ИСКУССТВО.

— Вижу теперь, какъ плохо быть добрымъ хозяиномъ. Вижу предъ собой пышногрудыхъ Помонь—и ни одной Хлои... Придется всѣхъ дѣвокъ на толокно посадить!

Рис. Н. Р.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА.

Пьяный (у подъезда ресторана)—Бож... же! Когда же это я успел в Москву попасть?!...

О, НАЧАЯХЪ.

Начаи.

Вы умѣете давать начаи?

Удивляюсь. Завидую.

Я не умѣю. Я, каковъ я есть, старый и уже немного потрепанный жизнью человѣкъ просто не умѣю ихъ давать. Не умѣю и кончено.

Кто-то, когда-то, должно-быть, какой-нибудь веселый циникъ или человѣкъ остро и зло презиравшій человѣчество придумалъ, что надо давать 10% „съ потребленной суммы“. Ядовитая мысль. Мы схватились за эту идею и понесли съ нею по бурнымъ волнамъ ресторанныхъ океановъ. И терпимъ. Да: и терпимъ. А тотъ, кто придумалъ эту дьявольскую штуку, можетъ-быть, довольно потираетъ руки и улыбается такимъ нехорошимъ, злымъ и презирающимъ человѣчество, старческимъ (ибо легенда эта уже стара)—смѣхомъ, а то, можетъ-быть, просто уже лежитъ въ могилѣ и издѣвается надъ нами скорбными, глумится надъ нами слабыми, плюетъ на насъ, загубленныхъ.

Ибо,—начаи—это тяжелая, стоившая всѣмъ намъ много крови слагающая нашей жизни.

Какъ ихъ давать? Гдѣ и сколько? Какъ отчислять? По какимъ логариемамъ: Вега, Лаланда или Пржевальскаго?

Напрасный вопросъ.

Все изслѣдовано въ человѣчествѣ. Все—исчислено, записано и утверждено. Даже постройка птичниковъ и курятниковъ и гальванизированіе по серебру и прочимъ металламъ. Да.

А теорія начаевъ — не начата. Она ждетъ своего Галилея. Своего Парацельса. Своего Менделѣева.

Дѣйствительно: можетъ быть человѣчество было-бы бодрѣе, жизненнѣе, тверже по внутренней линіи, въ ходѣ своего развитія, если бы въ каждую данную минуту, въ каждую секунду на всемъ земномъ шарѣ, во всѣхъ отеляхъ одновременно — не тратилась-бы эта бездна творческой энергіи, сообразительности ума, тонкихъ подходовъ и гениальныхъ (я не боюсь сказать это слово) расчетовъ какъ со стороны дающихъ, такъ и берушихъ.

Дайте, дайте мнѣ всѣ эти, по вашему, мелкіе разрозненные куски быстрого, устремлявшагося ума, — кусочки, лоскутки напрягавшейся, пружинившей, воли,

соберите ихъ по всѣмъ отелямъ и гостинницамъ въ нѣсколько большихъ корзинокъ и я, какъ изъ желѣзнаго шлака, какъ изъ заводскихъ отбросовъ—сплавлю вамъ цѣлую руду воли. Цѣлый зажигающій пожаръ. Цѣлую революцію. Ибо велики наши траты на мелочи жизни. И изъ однихъ окурковъ человѣчество могло-бы сложить одну пирамиду близъ другой — по лицу всей Африки. Вотъ оно какъ.

Начаи опасны. Начаи — жутки. Начаи, какъ чума и зараза. Они — дряблятъ нашу волю, они — мочалютъ ее, они — дѣлаютъ насъ колеблющимися, сомнѣвающимися, нерѣшительными, добродушно постыдно слабыми.

Примѣры изъ жизни? Пожалуйста.

Допустимъ, вы покупали заводъ. Цѣлый заводъ. Небольшой, но все-же тысячь за триста. Говорили по дѣламъ, торговались, были стойки, находчивы, остры, сообразительны и выиграли легкими подходами къ собесѣднику, тонкими, внезапными прозрѣніями, разгадываніемъ его плановъ и накидываніемъ на эти планы тонкой, нервушейся, шелково-сплетенной сѣтки вашей хитрости—выиграли всѣмъ этимъ тысячь 50. Легко и свободно. При этомъ были стойки. Холодноваты. Строги. И ни одинъ мускуль не дрожалъ у васъ. Ни одна лицевая линія. Ни одинъ волосъ ровно, до неприятности, до педантизма ровно причесаннаго пробора вашего. Вы были сухи. Вы были тверды.

И, наконецъ, все кончено. Вы спустились съ лѣстницы нотаріуса, гдѣ подписали длинный актъ на негнушейся, накрахмаленной бумагѣ и расписались въ толстыхъ гроссбухахъ на поляхъ, и криво, и прямо, и наискосокъ. Вы расписались.

Что дѣлать теперь?

Вы берете то лицо, съ которымъ сдѣлали дѣло, ее какихъ-то дядей брюнетнаго типа и (какъ-же иначе?) ѣдете въ ресторанъ. Еще бы.

Сидите тамъ долго. Ёдите устриць особой вилочкой. Пьете красное вино чуть-чуть теплымъ. И говорите мажордому съ лицомъ сэра Эдуарда Грэя:

„Вотъ что. На второе надо-бы зажарить такое...“ и въ концѣ (какъ-же иначе?) вамъ подаютъ счетъ. Допустимъ, скромный. 36.40. Тридцать шесть сорокъ. Устрицы, то да сѣ, кофе, закуски, каплунъ, барашки, бутылочка бѣлаго, краснаго... (Простая, удѣльная. Шампанское будетъ потомъ, вечеромъ въ „Орфеѣ“, гдѣ (какъ-же иначе?) продажу надо закончить. То да сѣ. Вотъ и набралось. Тридцать шесть сорокъ.

И вотъ, по мѣрѣ того, какъ ѣда подходитъ къ концу, по мѣрѣ того, какъ за стерлядью идутъ барашки и за пулярдами пломбиры, вы начинаете ощущать довольно непонятное, довольно глупое сознание какой-то близящейся или уже случившейся ерунды. Вы думаете: ужъ не сдѣлалъ-ли я ошибки въ нотаріальномъ актѣ? Даже вынимаете его изъ кармана. („Полно! Сергѣй Авдѣвичъ! Кончено. Съ дѣлами покончено. Пейте еще. Или вы все свой „нарзанъ“?) Но нѣтъ. Дѣло не въ актѣ. Дѣло не въ случившемся, а въ близящемся. И вы остро и тонко, словно шляпная булавка нелюбимой женщины пронзаетъ вамъ сердце, чувствуете, что все дѣло только въ этомъ итогѣ: 36.40. И вы, сильный, и вы, твердый, съумѣвшій вѣрно купить намѣченное, торговавшійся, цѣпкими пальцами рвавшій и тонко, ярко, быстро, вдохновенно рѣшавшій одну задачу — сидите надо этимъ счетомъ:

— „Сколько дать?“

Вы знали все. И сколько машинъ надо, и каково состояніе рынка, и почему нужно было нарочно тянуть дѣло (тому очень хотѣлось скорѣе продать), и какъ зовутъ его юрисконсульта, а вотъ „сколько дать“ не знаете.

Не знаете, мой милый. Не знаете, мой слабый. Не знаете, поникий.

Стыдно.

И вы въ сознаниі своего стыда обращаете свое плоское, какъ-то сразу поглупѣвшее и осунувшееся лицо къ тому человѣку, у котораго отторговали 50 тысячь (вы слышите? 50 тысячь!!) и дѣтскими, толстыми, безпомощными, до противности безпомощными губами спрашиваете его, тихо подъ сурдинку:

— Сколько? Четыре?

И онъ понимаетъ.

И всегда вамъ отвѣтитъ только такъ:

— Вполнѣ. Десять процентовъ.

И вы даете. Даете. Скорѣй даете. И въ концѣ, подумавъ, нащупываете въ жилетномъ карманѣ лежавшій еще съ прошлой недѣли круглый и плоскій рубль и прибавляете и его.

Еще-бы не такъ. Это — всегда такъ.

И всѣ такъ. Всѣ.

...Мой слабый. Мой скорбный. Мой безвольный...

А пятьдесятъ тысячъ все-таки съумѣлъ спасти.
Вотъ подите-же...

Сергѣй Горный.

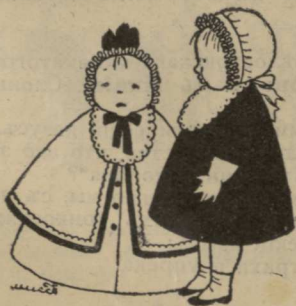
СИМОНЪ ПЛЮМАЖЕВЪ—ПРОРОКЪ.

Мы совсѣмъ было Плюмажева
Потопили въ Летѣ живо,
И вдругъ онъ, живая мумія,
Изъ трясинъ четвертодумія
Къ намъ явился съ покаянною
И изринулъ рѣчь пространную:
„Мы теперь уразумѣли,
Что насъ держать въ черномъ тѣлѣ.
Предъ начальствомъ взоромъ никни,
Въ Думѣ лишняго не пикни,
Одобряй безъ замедленья
Министерскія творенья,
Да съ невѣдомою цѣлью
Пробавляйся вермишелью,—
А о главномъ направленьи,
Общемъ курсѣ корабля,
Не дерзай имѣть сужденья,
Хоть и трешься у руля:
Планы внутреннихъ компаній—
Въ тайникахъ каютъ-компаній!
Намъ же, палубнымъ матросамъ,
Лѣзть туда нельзя за спросомъ...
Но, когда на „мѣры“ прытки
Натворятъ они въ избыткѣ,
И—глядишь:—собрался за годъ
Матерьялъ для „волчьихъ ягодъ“,
Но... отмѣнно пусто къ трюмѣ,—
То они при общемъ шумѣ
Рукоусуйничаютъ въ Думѣ:
Не свести концовъ съ концами!—
Будьте, братцы, молодцами:
Суньте намъ изподтишка
Изъ бюджетнаго мѣшка“...
И въ угоду рукоусуямъ
Мы... положимъ... голосуемъ,
Но... но слышенъ гласъ народа
Въ громѣ формуль перехода!!
О! отъ формуль громоносныхъ,
Какъ отъ трубъ Иерихонскихъ,
Рухнетъ строй охранъ несносныхъ
И свободъ хамеліонскихъ!!“

Мы глазѣли въ оба ока
На Плюмажева-пророка:
„Почему въ подобномъ тонѣ
Ты глаголешь, Симеоне?“
Вдругъ поднялся страшный вой
Подъ окномъ на мостовой.
Мы къ окну: какъ устриць стая,
Шевелится мостовая,
И зловѣще тамъ и тутъ
Камни къ небу вопіють...

Красный.

Рис. Миссъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Глинка о себѣ самомъ.

Глинка изъ „Земщины“ недоумѣваетъ, почему Суворинимъ не нравится новый законопроектъ о печати.

Въ Москвѣ я редактировалъ „Русскую Землю“, принадлежавшую тому же Суворину, и могу засвидѣтельствовать, что мнѣ постоянно давались приказанія такого-то вопроса не касаться, такую-то мысль развивать, такой-то проектъ поддерживать и т. д.

Къ сожалѣнію, Глинка не пишетъ, отдавались ли ему, какъ редактору, приказанія почистить Суворину пиджакъ или сбѣгать въ лавочку за папиросами.

Въ Парижѣ тоже вышли въ свѣтъ воспоминанія лакея Мопассана Тиссара о его знаменитомъ баринѣ.

Къ свѣдѣнію балетныхъ рецензентовъ.

Въ Мариуполѣ въ трактирѣ подвыпившій молодой крестьянинъ Кадебскій пустился въ плясъ. Послѣ замѣчанія кого-то изъ присутствующихъ, что онъ плохо танцуетъ, Кадебскій тутъ же распоролъ себѣ животъ.

Самолюбіе артистовъ — очень тонкая деликатная вещь, и пусть балетные рецензенты, давая рецензіи, вспомнятъ хоть изрѣдка о судьбѣ бѣднаго Кадебскаго.

А впрочемъ...

Иногда и пожалѣешь, что нѣкоторые драматическіе актеры не имѣютъ самолюбія маріупольскаго крестьянина.

Бодливая корова.

И пишетъ тако князь Мещерскій:

Будь я министромъ внутреннихъ дѣлъ, я дождался бы первой неприличной статьи въ ублюдкѣ „Новаго времени“ (въ „Вечернемъ Времени“), за которую полагался бы штрафъ въ 500 р., и замѣнилъ бы этотъ штрафъ двухмѣсячнымъ арестомъ редактора ея г. Б. Суворина.

И совершенно такъ же я поступилъ бы и съ г. М. Суворинимъ, редакторомъ „Новаго Времени“...

Пусть Борисъ Суворинъ и Михаилъ Суворинъ не волнуются и не трусятъ: если кн. Мещерскій и будетъ когда нибудь министромъ, то Арк. Аверченко тогда, навѣрное, будетъ уже премьеръ-министромъ, и онъ немедленно же выгонитъ кн. Мещерскаго, въ чемъ даетъ торжественно честное слово.

Смѣхъ по контракту.

Л. Пасынковъ рассказываетъ въ „Приазовскомъ Краѣ“, что въ одномъ изъ ростовскихъ кинематографовъ однажды, среди мертвой тишины раздался бѣшенный ревъ.

— Пожарррр! — завопилъ, испугавшись, какой-то нервный зритель.

И весь залъ дрогнулъ, какъ перепуганный шмелиный рой. Бросились къ выходамъ, давя другъ друга.

А черезъ нѣсколько минутъ выяснилось, что никакого пожара нѣтъ, а просто дирекція театра отдала приказаніе музыкантамъ изрѣдка „дѣлать взрывы хохота“ для рекламы, а также для того, чтобы расшевелить публику.

Расшевелили.

Рукодѣліе.

Въ московской тюрьмѣ сидитъ нѣкій провизоръ Петерсонъ. За что его посадили — неизвѣстно... судите сами:

Изъ прежняго заключенія онъ „освободился“, устроивъ такимъ образомъ, что собственноручно написанное имъ отъ имени судебного слѣдователя постановленіе было прислано въ тюрьму съ казеннымъ пакетомъ по почтѣ.

Самое постановленіе и всѣ необходимыя печати и подписи имъ же были написаны и отретушированы отъ руки.

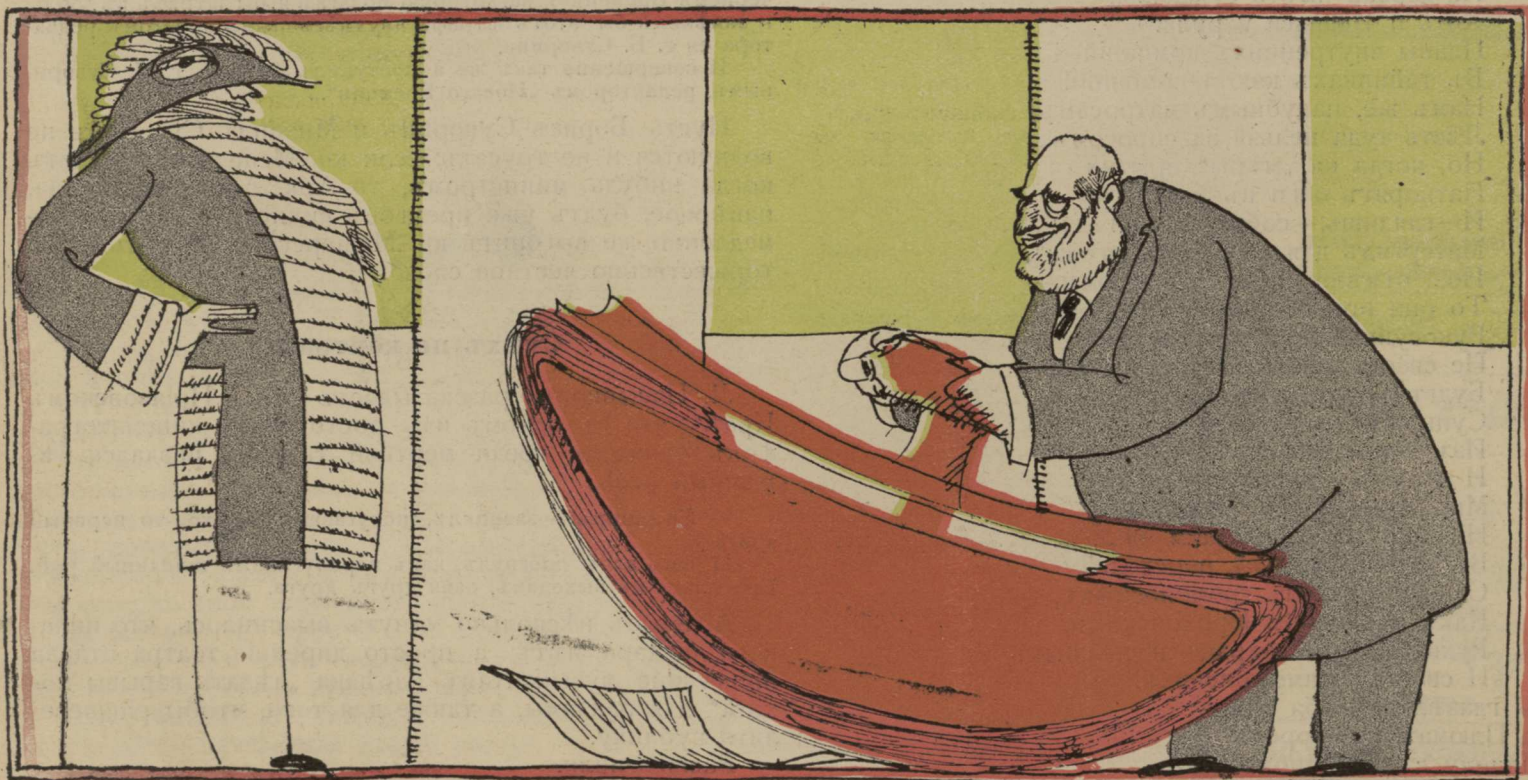
Въ искусствѣ поддѣлки онъ такъ специализировался, что поддѣлывалъ для себя и всѣ необходимыя билеты для проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ.

За что къ человѣку привязались? былъ у него домъ — полная чаша; никого не хотѣлъ затруднять, самъ все дѣлалъ: и пакеты и печати и билеты.

Такой славный рукодѣльникъ, хлопотунъ, всякое дѣло въ рукахъ горѣло — и вдругъ: на-тебѣ. Посадили...

Октябристы. — Что?! Бюджет? А что если мы не пропустимъ его? Вы знаете, что для этого пропуска нужна наша особая пропускная бумага?!!

Октябристы: — Вотъ-сь — наша пропускная бумага...

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Что такое самоубійство?

Точное опредѣленіе этому пороку даетъ газета „Мстинская Волна“ въ рецензій о романахъ своего сотрудника Григорьева (того самого, о которомъ газета въ день его юбилея сообщила, что онъ написалъ много пьесъ и состоитъ даже Членомъ союза драматическихъ писателей):

... Мирра далека отъ самоубійства, — этого современнаго бича человечества, коснувагося своимъ большимъ концомъ нашей размагниченой интеллигенціи.

Къ чему прикасается малый конецъ этого ужаснаго бича, къ сожалѣнію не указано.

* * *

„Вечернее Время“ въ научномъ отдѣлѣ сообщаетъ такое замѣчательное свидѣніе:

... Можно смѣло утверждать, что человеческое тѣло способно переносить высоту температуры, достаточную для того, чтобы изжарить кусокъ мяса.

Едва-ли это такъ...

А что, если читатели „Вечерняго Времени“ повѣрятъ и начнутъ дѣлать опыты въ этомъ направленіи?

И будутъ тогда сырые подписчики „Вечерняго Времени“ — жареными подписчиками.

А „Вечернее Время“ любитъ, когда жаренымъ пахнетъ...

* * *

Изъ программы Бѣлостокскаго кинематографа:

„Разводъ (?) слонѣвъ въ Индіи. Слоны въ неволѣ не умножаются“...

Поистинѣ странный математическій казусъ.

А кто изъ читателей догадается, что это за штука:

— „Бояринъ безъ боязни и порока“?

Низачто не догадаетесь!.. Только мы, съ нашимъ изощреннымъ въ разныхъ лингвистическихъ тонкостяхъ умомъ могли перевести это на русскій языкъ:

— Рыцарь безъ страха и упрека!

* * *

А газета „Южная Копѣйка“ сообщает сенсационное известіе, что солдаты „Мясодовъ, Доротюкъ и Ступницкій обвиняются въ покушеніи на самоубійство начальника-офицера“.

Въ „Русск. Словѣ“ С. Я. цитируетъ „Демона“

Творецъ изъ звучнаго (?) эфира
Соткалъ живыя струны ихъ.

Единственный случай, когда эфиръ бываетъ звучнымъ—это если его налить въ склянку и постучать по склянкѣ ложечкой. Въ противномъ случаѣ (по Лермонтову) онъ „лучшій“.

„Всеобщ. С.-Петербургск. Газета“ имѣетъ свой, посланный ей Богомъ, стиль:

Германскій врачъ Кромейеръ изобрѣлъ средство отъ выпаденія волосъ, которое убиваетъ микробовъ, кушающихъ (!) корешки нашихъ волосъ.

Интересно, подвизываютъ ли эти милыя малютки себѣ салфеточки, когда садятся кушать корешки нашихъ волосъ и благодарятъ ли потомъ папу—маму?

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ силу справедливости считаемъ необходимымъ, привести здѣсь редакціонное воззваніе г. Корнфельда—издателя прежняго Сатирикона—и нашъ на него отвѣтъ.

ВОЗЗВАНІЕ М. Г. КОРНФЕЛЬДА.

Pro domo sua.

Многіе сотрудники „Сатирикона“, съ А. Т. Аверченко во главѣ, вышли изъ состава редакціи. Въ числѣ ушедшихъ есть талантливые писатели и художники, и мы очень сожалѣемъ, что безъ всякихъ принципиальныхъ побужденій они создали и довели конфликтъ съ издательствомъ до нынѣ осуществленной угрозы—сорвать изданіе неожиданнымъ (наканунѣ выхода очереднаго номера журнала) уходомъ, вѣрнѣе „уводомъ“ сотрудниковъ, если издатель не отдастъ имъ своихъ издательскихъ правъ собственности и части своего имущества (притомъ безъ лежащихъ на немъ матеріальныхъ и иныхъ обязательствъ).

Считаясь, прежде всего, съ основнымъ обязательствомъ передъ обществомъ, всякій независимый органъ печати, подобно парламенту, не долженъ прекращаться.

„Засѣданіе продолжается!“

И мы пріявше въ такую трудную для „Сатирикона“ минуту наслѣдіе талантливыхъ людей, со многими изъ которыхъ мы сохраняемъ и общественно-политическую солидарность и личную пріязнь,—заявляемъ, что дѣлаемъ это, прежде всего, для того, чтобы сохранить многолѣтнее литературное и художественное дѣло, которое только что выйдя изъ періода созиданія, можетъ и должно служить общественнымъ и художественнымъ идеаламъ русскаго общества.

Такъ труденъ и чреватъ матеріальными, не говоря уже объ иныхъ, бѣдами путь прогрессивнаго художественнаго журнала въ Россіи и такъ трудно, почти безнадежно, созданіе новаго литературно-художественнаго органа, что ломать умышленно и безжалостно это служившее долго и успѣшно оружіе противъ тьмы, застоя и насилія—прямое преступленіе противъ литературы, противъ общества.

„Сатириконъ“ долженъ быть спасенъ, и будетъ попрежнему регулярно выходить въ свѣтъ.—Къ сотрудничеству въ немъ привлечены новыя, свѣжія силы, но мы увѣрены, что и сами ушедшіе изъ него, когда пройдетъ первый пылъ возбужденія, признаютъ, что они были глубоко неправы, какъ заявляютъ, впрочемъ, это нѣкоторые изъ нихъ и сейчасъ.

Пусть судъ чести при Всероссийскомъ Литературномъ Обществѣ, куда обратился издатель „Сатирикона“, М. Г. Корнфельдъ разберетъ возникшій конфликтъ и скажетъ свое авторитетное слово по поводу тѣхъ эскпессовъ, какіе нынче стали происходить въ литературной средѣ.

„Засѣданіе продолжается.“

И двери редакціи „Сатирикона“ широко открыты каждой честной, служащей дѣлу прогресса и красоты и талантливо выраженной, мысли.

Редакція.

„Отвѣтъ Новаго Сатирикона“.

„Новый Сатириконъ“ благодаритъ (см. рис.) и охотно соглашается съ прежнимъ „Сатирикономъ“, — „что въ числѣ ушедшихъ есть талантливые писатели и художники“; это признаніе даетъ намъ еще больше увѣренности въ томъ, что мы не должны были прерывать выходъ журнала.

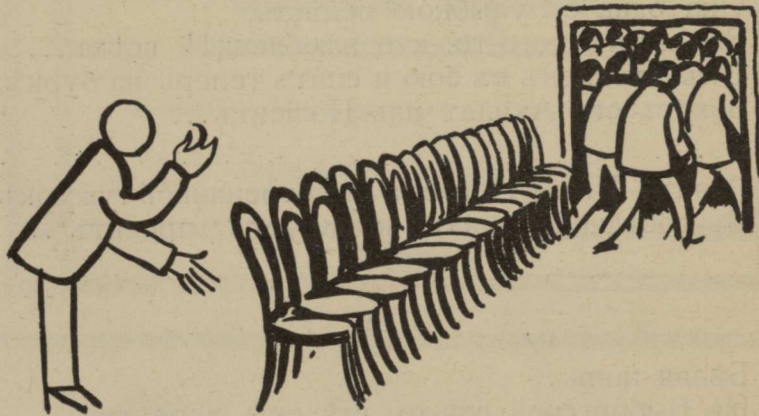
Что касается „увода“ (!?) то мы очень опечалены,—что прежній „Сатириконъ“ такого мнѣнія о сотрудникахъ, пять лѣтъ съ нимъ работавшихъ (см. рис. 2).

Мы тоже зполнѣ согласны съ „Сатирикономъ“, что всякій независимый органъ печати, подобно парламенту не долженъ прекращаться, оттого-то мы и выпускаемъ „Н. Сатириконъ“.

„Сатириконъ“ восклицаетъ: „Засѣданіе продолжается!“.

Здѣсь мы хотимъ объяснить „Сатирикону“ маленькую техническую подробность. Для засѣданія мало однихъ стульевъ, хотя бы и очень хорошей работы,—необходимо, чтобы на этихъ стульяхъ сидѣли люди. (См. рис. 3).

„Сатириконъ“ заявляетъ, что продолжаетъ журналъ прежде всего для того, „чтобы сохранить многолѣтнее литературное и художественное дѣло, которое только что выйдя изъ періода созиданія, можетъ и должно служить общественнымъ идеаламъ русскаго общества“.

Увидавъ „Н. Сатириконъ“, „Сатириконъ“ навѣрно, будетъ пріятно удивленъ, узнавъ, что у него есть единомышленники.

„Такъ труденъ и чреватъ матеріальными, не говоря уже объ иныхъ, бѣдами путь прогрессивнаго художественнаго журнала въ Россіи, что ломать умышленно и безжалостно дѣло—прямое преступленіе противъ общества“.

Мы надѣмся, что общество, по выходѣ „Н. Сатирикона“ сниметъ съ насъ обвиненіе въ преступленіи противъ него.

— „Сатириконъ“ вѣритъ, что когда пройдетъ первый пылъ возбужденія сотрудники признаютъ, что они были глубоко неправы, какъ заявляютъ, впрочемъ, это нѣкоторые изъ нихъ и сейчасъ!—Вѣра—великое чувство; мы надѣмся, что она не поколеблется у редакціи, если мы скажемъ, что наши сотрудники А. Юнгерь и А. Яковлевъ были очень удивлены, появленіемъ ихъ рисунковъ въ прежнемъ „Сат.“ послѣ категорическаго запрещенія помѣщать ихъ матеріалъ; надѣмся, что вѣра не поколеблется, даже если мы скажемъ, что послѣ того какъ прошелъ первый пылъ, отъ сотрудничества съ г. Корнфельдомъ отказались еще слѣдующія лица: И. Билибинъ, Нарбутъ, Митрохинъ, В. Бѣлкинъ, Н. Альтманъ, Бобышовъ, Сергѣй Горный, Дмитрій Цензоръ, Арк. Буховъ. Въ заключеніе—фактическая справка: за послѣднее время изъ издательства М. Г. Корнфельдъ ушли: редакторы:—Синяго журнала—В. Регининъ, „Галченка“—А. Радаковъ, „Сатирикона“—А. Аверченко и совсѣмъ недавно—второй редакц. „Синяго Журн.“—Арк. Буховъ... (См. рис.).

Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ суда чести... Если бы г. Корнфельдъ согласился на него тогда, когда мы это ему предлагали, возможно, что теперь уже мы знали бы, на этой сторонѣ правда.

„Н. Сатириконъ“.

БѢЛЫЯ НОЧИ.

(Посвящ. моему отцу).

I

Развернутая книжечка... „Надсонъ“...
 Чахоточная ночь безъ контуровъ и линій
 И взглядъ не понятый... Какой-то синій...
 синій...

Курсистка Соня видитъ хрупкій сонъ...
 Проходятъ призраки налѣво и направо,
 Роняютъ запахи и крылышки мимозъ,
 И даже „Государственное право“
 Не разовьетъ ихъ сказочный гипнозъ...
 Пусть гдѣ-то есть и Кассо и аресты
 И въ кабакахъ рыдаетъ пьяный смѣхъ,
 Она одна съ улыбкою невѣсты
 Все ждетъ кого-то, кто влюбленнѣй всѣхъ...
 Онъ утомленъ въ бою и спитъ теперь на буркѣ,
 Зовутъ его Ахиллѣ или Поліектѣ...

А онъ—Иванъ Петровъ въ потрепанной тужуркѣ
 Въ сосѣдней комнатѣ копируетъ „проектъ“...

2

Бѣлая ночь...
 На Выборгской гдѣ-то, гдѣ есть переулки,
 Покрытые мерзлыми кучами тины,
 Гдѣ свили притоны уроды-машины,
 Копыта стучать безотрадно и гулко...
 Визгливо кричатъ закоптѣлыя глотки...
 У ночи тоскливо сползаетъ личина...
 Пѣвичка Наташина ѣдетъ въ пролеткѣ,—
 Она безъ почина...
 Бѣлая ночь...

Сергѣй Михѣевъ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Просимъ всю корреспонденцію, какъ редакціонную
 такъ и конторскую — направлять по адресу:

СПБ. Невскій, 65, „Новый Сатириконъ“.

КОМПЛИМЕНТЪ ВТОРОГО СОРТА.

— Знаете, вы иногда бываете человѣкомъ, изъ
 ряду вонъ выходящимъ!

Молодой человѣкъ (расплывшись въ довольную
 улыбку). — Да? Мерси... Когда же это?

— Да вотъ въ театрѣ, на примѣръ, — когда не на
 свое мѣсто безъ билета усядетесь.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петербургъ.

Пески—Бородулину.

Онъ пишетъ:

„Мои стишки, обратите вниманіе, можно читать слѣва направо,
 справа налѣво, а можно читать и снизу вверхъ“.

Слушайте... А можно совсѣмъ не читать?

Здѣсь. — Н. О. М-ко. — Такой науки „тригеометрія“ —
 нѣтъ. „Кивать губами“ не можетъ человѣкъ самаго распущен-
 наго нрава; „туфель“ бываетъ мужского рода только въ самомъ
 рѣдкомъ случаѣ — когда онъ „сапогъ“.

Прошайте, милый.

Б. Провинція.

Минскъ—Оводу. „Посылаю первую прозу. Не думаю, чтобы
 испортилъ—потому что мозги всетаки имѣю“.

Счастливецъ! Сколько порцій?

Село Алексѣевское—Чайкову. Фраза изъ разсказа.

... „Вынулъ папиросу и закурилъ ее, придерживая ртомъ“.
 Рѣдкій пріемъ. Обыкновенно для этого служить подмышка.
 Не подходитъ—какъ и у предыдущихъ авторовъ.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
 Издатель Т-во Н. Сатириконъ.

ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ
 выходитъ въ свѣтъ
 НОВАЯ КНИГА
 „ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ“.
 Аркадія Аверченко.

Складъ изданія „Земля“, Невскій, 55.

Аркадій Аверченко.**Круги по водѣ.**

Изданіе шестое, богато иллюстрировано.
Иллюстр. художниковъ Н. Герардова, В. Лебедена, А. Радакова, Ре-Ми, А. Юнгера, А. Яковлева и др. Съ портретомъ автора. Обложка художника Ре-Ми. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Веселыя устрицы.

Изданіе пятнадцатое.
Съ портретомъ автора. Обложка работы художника Ре-Ми. Цѣна книги въ переплетѣ 1 руб. 10 коп.

Разсказы для выздоравливающихъ.

Изданіе пятое. Обложка работы художн. А. Юнгера. Цѣна 1 р. 25 к.

Театральная библіотека.**СБОРНИКЪ ОДНОАКТНЫХЪ ПЬЕСЪ.**

8 пьесъ репертуара столичныхъ и провинціальн. кабаре и театровъ миниаторовъ. Въ изящной обложкѣ работы художника С. Чехонина. Цѣна 2 руб.

МИНИАТОРЫ и МОНОЛОГИ ДЛЯ СЦЕНЫ.

Цѣна 2 руб.

ГОТОВИТСЯ

≡ КЪ ВЫХОДУ ВЪ СВѢТЪ ≡

НОВАЯ КНИГА**Дома Опискиихъ
Сорхья травы**

съ портретомъ автора и предисловіемъ

Аркадія Аверченко.

Открыта подписка на 2-ое полугодіе
на журналъ

Новый Сатириконъ
еженедѣльное изданіе.

Въ годъ 52 №№ еженедѣльнаго литературно-художественнаго, богато иллюстрированнаго журнала Сатиры и Юмора. Нѣкоторые №№ печатаются въ ДЕВЯТЬ красокъ.

Журналъ выходитъ при ближайшемъ участіи Аркадія Аверченко, А. Радакова, Н. В. Ремизова (Ре-ми), А. Юнгера и А. Яковлева, а также при участіи всего состава прежнихъ сотрудниковъ.

Издатель — Т-во „Новый Сатириконъ“ въ лицѣ представителя А. Т. Аверченко.
Редакторъ Аркадій Аверченко.

Подписная цѣна: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 коп., полгода 3 руб. 25 коп. Цѣна № въ розничной продажѣ 15 коп.

Адресъ конторы и редакціи: СПБ., Невскій, 65.

— Проходите, проходите впередь,—сказаль какъ то его Пр-ство семеняшему сзади его октябристу, — народные представители имѣють право иногда итти впереди власти...

У октябриста отъ радости въ зубу дыханье сперло. — Ваше-ство, осчастливили... счастливь, счастливь...

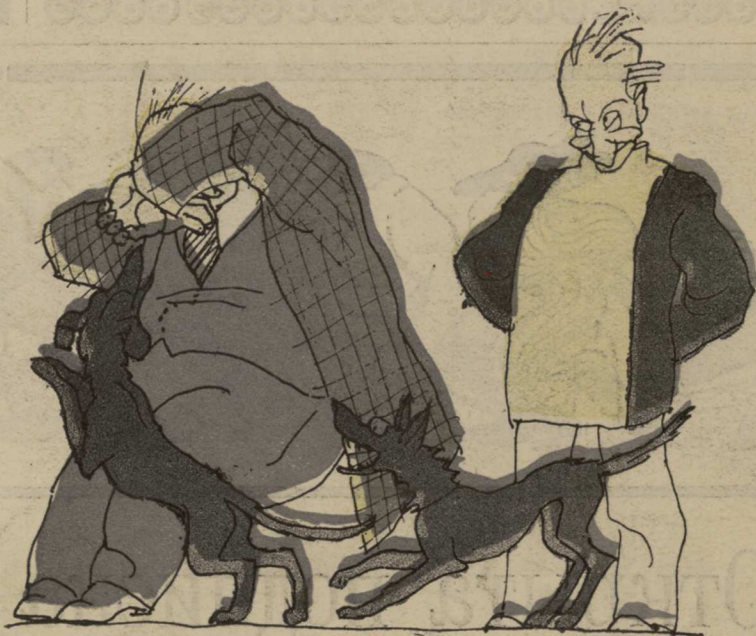
Но ступивъ на мостъ, онъ убѣдился, что мостъ гнилой, и сидя по уши въ лужѣ, онъ слышалъ, какъ его пр-во говориль:

— Гм... онъ еще кое на что_годится!

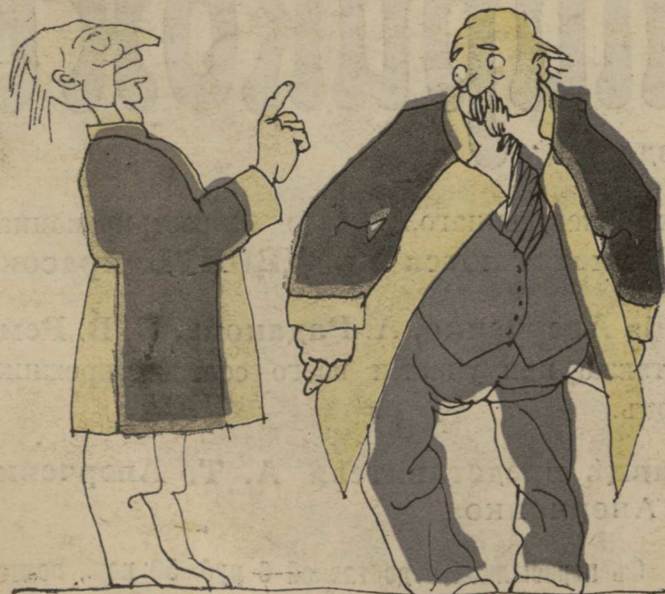

— Вотъ, многоуважаемый тогносець,—сказаль его пр-во,—пальто дарю съ своего плеча,—носите на здоровье. Оно хотя и не по сезону, ватное, да и старое,уже... ну, да ничего.

— Ваше-ство, осчастливили, по гробъ не забуду! жентъ дѣтямъ покажу, скажу,—вотъ какъ я властью награжденъ! Нынче пальто, а тамъ глядишь и мундирчикъ, какой не жаль — пожалуютъ!

— Нѣтъ положительно, этотъ малый, кое на что годится. На немъ великолѣпно можно дрессировать полицейскихъ собакъ; манекены-то дороги...

— Вотъ вы все мечтали о мундирѣ, ну вотъ вамъ и мундиръ. Сейчасъ же пойдите къ моему лакею, представьтесь и попросите его приняться за работу. Идите.

— Ваше-ство, осчастли... а, а, а...

— Ну, ну хорошо! не цѣлуйте рукъ, не люблю... Еще запачкаете...

Лакей.—Эхъ, и пыли за зиму-то въ мундирѣ накопилось! Въшалка-то для мундира хорошая рубль стоитъ... ну я и рѣшилъ вашу милость побезпокоить; все экономия. И его пр-во согласились, говорятъ:—хоть на что нибудь да пригодится...